

«СОВРЕМЕННОК»
ПРОТИВ
«МОСКВИТЯНИНА»

Литературно-критическая полемика
первой половины 1850-х годов

УДК 82-95
ББК 83.3(4Рос)
С 56

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 12-34-01223).
Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-16071

Ответственные редакторы:
А. Ю. Балакин и К. Ю. Зубков

С56 «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 872 с.

ISBN 978-5-4469-0667-3

В книге впервые собраны материалы самой яркой литературной полемики первой половины 1850-х годов – спора журналов «Москвитянин» и «Современник». Опровергая миф об упадке литературной жизни «мрачного семилетия», предлагаемые читателю статьи, обзоры, фельетоны и пародии не только свидетельствуют о жанровом разнообразии полемики, но и возвращают ей законное место в истории русской критики и эстетики середины XIX века.

Включенные в издание произведения сотрудников «молодой редакции» «Москвитянина» и их петербургских оппонентов раскрывают перед читателем сложность и глубину эстетических дискуссий, развернувшихся вокруг творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя, наследия В. Г. Белинского и ранних произведений А. Н. Островского, И. С. Тургенева и А. Ф. Писемского. Помещенные в издание тексты сверены с сохранившимися автографами и снабжены обширными историко-литературными комментариями, включающими в том числе сведения об истории идей и эстетических понятий.

УДК 82-95
ББК 83.3(4Рос)

ISBN 978-5-4469-0667-3

9 785446 906673

© А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, вступительная статья, 2015
© А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов, составление,
подготовка текста, примечания, 2015
© Издательство «Нестор-История», 2015

А. Н. Островский

«Ошибка», повесть г-жи Тур

Нередко случается слышать нападки на равнодушие московской публики к выступающим талантам, на холодную встречу первых произведений нового и нуждающегося в сочувствии писателя; но это совсем несправедливо. Всякое сколько-нибудь замечательное произведение (не говоря уже о значительных), где бы оно ни появилось, находит в Москве теплое сочувствие. Надобно правду сказать, публика наша не многочисленна и не имеет одного общего характера; она состоит из многих небольших кружков, различных по убеждениям и эстетическому образованию; часто новое произведение возбуждает не только различные, но и совершенно противоположные мнения и толки. Впрочем, это совсем не беда; различные убеждения производят споры, движение, жизнь, а вовсе не апатию, в которой обвиняют Москву. Примером живого сочувствия московской публики может служить недавно появившийся талант г-жи Евгении Тур; найдите хоть один образованный кружок, в котором бы не говорили об этой замечательной новости в русской литературе. Первая повесть г-жи Тур «Ошибка», помещенная в № X «Современника» 1849 г., имела в Москве весьма значительный успех, который поддерживается новым, еще не конченным, ее произведением.

Нам хочется сказать по этому поводу несколько замечаний о русской литературе вообще, которая, по нашему мнению, имеет некоторую особенность: здесь говорится только о художественной литературе. Литература каждого образованного народа идет параллельно с обществом, следя за ним на различных ступенях его жизни. Каким же образом искусство следит за общественной жизнью? Нравственная жизнь общества, переходя различные формы, дает для искусства те или другие типы, те или другие задачи. Эти типы и задачи, с одной стороны, побуждают писателя к творчеству, затрагивают его; с другой, дают ему готовые, выработанные формы. Писатель или узаконивает оригинальность какого-нибудь типа, как высшее выражение современной жизни, или, прикидывая его к идеалу общечеловеческому, находит определение его слишком узким, и тогда тип является комическим. Древность чаяла видеть человека в Ахилле и Одиссее и удовлетворялась этими типами, видя в них полное и изящное соединение тех определений, которые тогда выработались для человека и больше которых древний мир не успел еще заметить ничего в человеке; с другой стороны, легкая и изящная жизнь афинская, прикидывая Сократа на свой аршин, находила его лицом комическим. Средневековой герой был рыцарь, и искусство того времени успело изящно соединить в представлении человека христианские добродетели с зверским ожесточением против ближнего. Средневековой герой идет с мечом в руках водворять кроткие евангельские истины: для него праздник не полон, если среди божественных гимнов не раздаются из пылающих костров вопли невинных жертв фанатизма. При другом воззрении

тот же герой сражается с баранами и мельницами. В новом мире то же самое. Так бывает во всех литературах, с тою только разницею, что в иностранных литературах (как нам кажется) произведения, узаконивающие оригинальность типа, то есть личность, стоят всегда на первом плане, а карающие личность — на втором плане и часто в тени; а у нас в России наоборот. Отличительная черта русского народа, отвращение от всего резко определившегося, от всего специального, личного, эгоистически отторгнувшегося от общечеловеческого, кладет и на искусство особенный характер; назовем его характером обличительным. Чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем этого обличительного элемента. История русской литературы имеет две ветви, которые наконец слились: одна ветвь прививная и есть отпрыск иностранного, но хорошо укоренившегося семени; она идет от Ломоносова через Сумарокова, Карамзина, Батюшкова, Жуковского и проч. до Пушкина, где начинает сходить с другою; другая — от Кантемира через комедии того же Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Грибоедова до Гоголя; в нем совершенно слились обе; дуализм кончился. С одной стороны: похвальные оды, французские трагедии, подражания древним, чувствительность конца 18-го столетия, немецкий романтизм, неистовая юная словесность; а с другой: сатиры, комедии, комедии, и комедии, и «Мертвые души». Россия как будто в одно и то же время в лице лучших своих писателей проживала период за периодом жизнь иностранных литератур и воспитывала свою до общечеловеческого значения. Пусть не подумают, что мы, признав нравственный, обличительный характер за русской литературой, считаем произведения, наполненные сентенциями и нравственными изречениями, за изящные; совсем нет: такие произведения у нас уважаются гораздо меньше, чем у других народов, и сами являются предметом насмешки и глумления. Хотя недовольство каким-нибудь условным определением жизни выражается в сентенциях, в отвлеченных нравственных положениях, но публика ждет от искусства облечения в живую, изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков, которые являются ей сухими и отвлеченными. И искусство дает публике такие образы и этим самым поддерживает в ней отвращение от всего резко определившегося, не позволяет ей воротиться к старым, уже осужденным формам, а заставляет искать лучших, одним словом, заставляет быть нравственнее. Это обличительное направление нашей литературы можно назвать нравственно-общественным направлением.

Произведения женщин-писательниц, нося, почти без исключения, тот же общественный характер, отличаются от произведений мужского пера тем, что, уступая им часто в художественности, они превосходят богатством мелких подробностей, неумовимых психологических оттенков, особою энергиею и полнотою чувства, весьма часто негодующего. Им недостает спокойного творчества, холодного юмора, определенности и оконченности образов; зато в них более затрогивающего, обличительного, драматического. Иначе и быть не может: женщина прикасается к свету более чувствительной стороною, чем мужчина. Женщина, прежде чем стала писательницею, по большей части или была жертвой обычного пустословия, или, проживши лучшую половину жизни, увидала, что все благороднейшие душевные движения пошли даром, самопожертвование не оценено, любовь или обманута, или не нашла в пустоте света достойной взаимности. Часто и так бывает, что женщина долго, долго тратит свою прекрасную душу на идеал, созданный ее же юным, неопытным воображением; мало-помалу туман расходуется, мечты улетают одна за другой, и действительность является или в лице весьма пошло актерствующего, или, чаще, в лице самого обыкновенного светского молодого человека; позднее раскаяние наполняет сердце женщины, безвыходное негодование на себя, на свою даром растрченную душу и молодость; в душу женщины западает горе, которого поправить нельзя;

являются слезы бесплодного сожаления об утрате непосредственных, свежих чувств, не испорченных еще думой и сомнением, которые теперь, пользуясь опытностью, могла бы она употребить достойно. Какое же тут спокойное творчество?

Обратимся теперь к произведениям 1-жи Тур. Здесь мы разберем только «Ошибка», а о «Племяннице» поговорим по окончании романа. Повесть 1-жи Тур интересна для нас уже тем, что место действия — Москва, а сюжет взят из высшего общества; всем известно, что хороших повестей такого рода у нас очень мало. Посмотрим теперь, какие образы вынесла писательница из светской жизни. Интрига чрезвычайно проста, что сильно говорит в пользу повести. Молодой светский человек Славин, богатый, красивый, хорошо воспитанный, любит девушку из небогатого семейства, носящего мещанскую фамилию Федоровых. Мать Славина не соглашается на брак своего сына с Федоровой, наконец, по прошествии многих лет, уступает просьбам сына, с тем условием, чтобы он провел еще одну зиму в обществе. В эту зиму он влюбляется в княжну Горскину, постепенно охладевает к своей Ольге, мучится угрызениями совести. Ольга, поздно увидав это, сама ему отказывает; Славин женится на Горскиной. Интрига проста, но развитие ее ведено чрезвычайно искусно и стоит того, чтобы разобрать его подробнее.

Начнем с героя. Вот как автор описывает воспитание, полученное им от своей матери.

Он двенадцати лет был умный, ловкий мальчик, говорил и писал отлично по-русски, по-французски и по-английски, ездил хорошо верхом, отлично танцевал на детских балах, где имел уже значительные успехи, и прогуливался по бульвару об руку с матерью, ведя ее необыкновенно легко и развязно, и обращался с нею с таким уважением и вежливостью, что в нем заранее можно было угадать будущего безукоризненного джентльмена. Правила чести и благородства, как их понимают вообще и часто так односторонне, были внушены ему с детства. Он знал, что за обидное слово стреляются на расстоянии шести шагов, что, давши честное слово, должно сдерживать его; он знал, что он богат и что богатство есть долг, который требует выполнения, то есть что он обязан по этому случаю иметь дом и принимать в нем прилично своих знакомых и родственников, давать им обеды, жить открыто и проживать свои доходы, как прилично порядочному человеку; что имя Славиных — имя старинное, что все они служили истари и все выслуживались; что он родился, чтобы продолжить имя предков и передать своим детям и имя и состояние в том виде, как получил их: имя безукоризненным, а состояние — не уменьшенным, и что в свой черед должен достигнуть и почестей и чинов и, во что бы то ни стало, занять в свете видное место наряду с другими. Он заучил твердо все это и многое другое в этом роде, чего уж я и не припомню. Но все человеческие чувства развиты в нем не были и быть не могли. Часто мать говорила ему о чинах и честолюбии, никогда о истинной любви к родине; часто о Боге и религии, никогда о сущности ее; ему читали Евангелие, но никогда не обратили его внимания на Божественное учение его, где любовь к ближним и пожертвование собой для других есть главное основание всего, где даже и любовь к Богу проявляется любовью к ближнему. Он, конечно, знал наизусть всю земную жизнь Спасителя, но не имел ни малейшего понятия о глубине любви и премудрости, которыми преисполнено Его учение. Ему иногда приказывали подавать грош какому-нибудь нищему, проходившему случайно по улице мимо их дома, и тут же покупали ему игрушек на пятьдесят или сто рублей, не замечая ему, что этой суммы достаточно на прокормление целого семейства в продолжение двух месяцев. Он знал только, что он родился, чтобы жить хорошо, легко и роскошно; ему не говорили, как другим жить тяжело, трудно и горько; в нем не пробуждали сочувствия к массам, не ставили его мысленно, хотя на одну минуту, на место того бедняка, который униженно склонял свою седую голову перед его курчавой детской головкой, прося подаяния на хлеб насущный. Часто объясняли ему родство, упоминали о связях и светской дружбе, никогда не говорили о связях, основанных на истинном чувстве, о дружбе как о самопожертвовании. Во всем этом его незаметно направляли к одной цели: любить одного себя, делать все для собственного значения и благосостояния, не оскорбляя, однако же, строгой морали, и идти общей дорогой, не задевая никого без крайней нужды, но выбирая себе выгодное место и отстраняя искусно других, если бы они ему мешали. Любить его не научили, или, лучше, не пробудили ни словом, ни делом эту глубоко затаенную в нем способность. Чтение книг было строго избрано; но ему дали Плуларха, и этот писатель пробудил в нем порывы чувств, от которых его так заботливо спасали.

К счастью, в это время попались ему под руку некоторые произведения романтиков и преимущественно Шиллера, которые пробудили в душе неиспытанные чувства любви к человечеству. Следствием такого воспитания и рождающихся потребностей была раздвоенность души его, одна сторона которой принадлежала Ольге, а другая свету. В Ольге он находил ответ на пробуждающиеся в душе своей благородные стремления, которые были чужды всем окружающим его; зато свет был настоящею его сферою, он там родился и вырос, он не мог подняться над ним для критической оценки и противопоставить его Ольге. Сверх всего этого, мать Славина предусмотрительным оком следила за ним. Умная и совершенно светская женщина, она была непримиримым врагом всех мыслей и поступков, выходящих из общей колеи, и естественно, что она желала, чтобы сын совершенно походил на нее и не скомпрометировал себя юношеским увлечением.

Она любила сына со всей нежностью, к которой была способна; но привязанность ее к нему была весьма странна; она любила его потому, что он был ее сын, некоторым образом ее собственность, продолжение ее собственной личности, которую и развивала она в этом смысле. Нежность ее к нему еще более возрастала, когда другие хвалили его, как будто и любовь ее обойтись не могла без мнения других. Она понимала жизнь как исполнение известных обязанностей, вмещенных в весьма тесный и ограниченный круг, назначенный каждому его рождением.

Она скоро заметила короткое сближение сына своего с Ольгой и отправила его в Петербург на службу и в продолжение шести лет под разными предлогами не давала ему согласия на брак с Ольгой. Эти препятствия еще больше развивали раздвоенность души Славина; он то щеголял своими эполетами в обществе и волочился за светскими женщинами, то мечтал об Ольге и торопился в Москву провести короткое время отпуска в ее мирном семействе. Наконец Славин получил от матери согласие на брак с Ольгой с условием, чтобы свадьба была летом и чтобы он не оставлял света зимою. Письмо, в котором мать изъявляет свое согласие, — самое лучшее место во всей повести. Это письмо лучше всяких описаний рисует вам светскую женщину и ее взгляд на жизнь. Вот несколько отрывков из него.

Милый друг Александр! Долго не отвечала я тебе, потому что письмо твое хотя и не удивило меня, но, конечно, опечалило. Я знаю, что все, что я тебе стану говорить, будет совершенно бесполезно. Старых людей мало слушают, особенно когда дело идет о любовном капризе. Я вижу тебя отсюда, и как ты наморщил брови, прочитав слово: «каприз»; а все-таки не могу переменить его и остаюсь при моем мнении. Ты можешь делать, что тебе угодно: ты уже не мальчик; следовательно, если ты не остепенился теперь, то, вероятно, надежды на это впереди очень мало. «Всякой волен делать из жизни своей, что он хочет», — пишешь ты мне; я в этом с тобою вовсе не согласна, и долг матери заставляет меня, уступая твоему желанию, показать тебе всю твою опрометчивость. Ты также говоришь мне в своем письме, что вот уже восемь лет, как ты страстно любишь Ольгу Николаевну, и решился наконец жениться на ней, несмотря ни на какие препятствия, в заключение чего ты просишь моего благословения — для формы разве? Пожалуй, хоть и так, и за то спасибо. Тебе двадцать восемь лет, ты, стало быть, совершеннолетний, состояние твое устроено; ты имеешь две тысячи незаложенных душ, которые тебе остались от отца, следовательно, от меня уже никак не зависишь. Конечно, мать, которая ходила за тобою в детстве, провела большую часть второй молодости, запершись в деревне, чтобы упрочить будущее твое состояние, не вышла опять замуж, чтобы не разделить ни с кем другим привязанность, обращенную на одного тебя, заслужила, может быть, больше, чем эту сухую фразу о благословении. Но довольно об этом. Делай, что хочешь, только позволь мне в такую важную эпоху твоей жизни высказать тебе мое мнение вполне и заметить тебе, как ты простодушно искажаешь прошедшее, чтобы прикрасить настоящее. Ты говоришь, что любишь ее восемь лет. Где же любовь эта? В чем она выказалась? И когда же ты любил ее? Ты знал ее с детства, вы одних лет, что, мимоходом сказать, составляет большое неудобство для супружеской жизни. Осьмнадцати лет вы вздумали в одно прекрасное утро или вечер полюбить друг друга; разумеется, из этого вышло то, что Елисавета Ивановна, пользуясь дальним родством, которое существовало между нами, пожелала пристроить дочь и отдать ее поскорее за богатого

мальчика, который притом имел значительное имя, если не знатное, то по крайней мере не то мещанское имя Федоровой, которое она приняла вместе с замужеством, наделавшим в мою пору столько шума. Действительно, чтобы княгине Горскиной выйти за Федорова, надо было иметь голову навыворот. Но это дело прошлое, и я о нем говорить больше не стану, а ты сам знаешь все это. Проживши так долго в бедности и скуке, с двумя дочерьми, которых едва могла воспитать, она должна была без меры обрадоваться твоей нелепой любви; но она сочинила свои планы, забывши про меня. Тебя дядя увез в Петербург, где ты вступил в юнкера, потом ты вышел в Кавалергардский полк, и если ты служил осемь лет, веселясь всегда и кое-когда имея значительные успехи в свете, то мне, несмотря на все мое желание, трудно найти в этой жизни тяжкие следы неутешной страсти. Тогда ли она томила тебя, когда ты публично содержал актрису m-lle Desirée, которая, мимоходом сказать, стоила тебе столько денег, или тогда, когда ты был отъявленным поклонником, а впоследствии чем-нибудь больше, у хорошенькой, как говорят по крайней мере, графини Верде. Правда, и ты видишь, как я беспристрастно сужу тебя, ты бывал нередок ремонтёром, и тогда, проводя ползимы в Москве, возвращался с удовольствием, для меня не очень понятным, из раззолоченных гостиных Петербурга в маленькой домик Федоровых, где так трогательно разыгрывал роль верного аркадского пастушка или героя из романа Августа Лафонтена и проводил все свободное время в кругу этого простого, милого, доброго семейства. Я повторяю твои выражения. Неужели ты думаешь, что в продолжение всего этого времени твоя любезная не желала и не пыталась пристроиться? Я не отнимаю у ней любви ее к тебе; может быть, она любила тебя и любит еще; но ты подумай, что в доме она нелюбимая дочь, что мать беспрестанно упрекает ее, что она не замужем, что ты ее забудешь и когда-нибудь покинешь, что, ко всему этому, у них денег нет ни гроша и они едва сводят концы с концами, и при таких условиях ты хочешь видеть в ней неизменную верность к тебе и не допускать в ней ни малейшего желания выйти замуж за другого. Полно, друг мой! Мне жаль тебя, что ты, в твои годы, веришь еще всем нелепостям, которые рассказываются маменьками и старшими сестрами. Впрочем, я буду справедлива и скажу тебе, что знаю, что Ольга Николаевна девушка добрая и кроткая, но вот и все: красоты она необыкновенной не имеет, воспитание ее не блестящее; что она не очень счастлива, и то правда; но из этого не следует, чтобы ты был счастлив с нею. Она никогда не будет уметь занять положение в свете, поддержать с достоинством твои связи и имя, сделать из твоей гостиной одну из значительных гостиных города, никогда не будет уметь и не может блеснуть в свете умом, красотою и приятностию светского обращения; а ты, что ни говори, я тебя знаю, ты самолюбив больше, чем нежен; ты честолюбив: доказательство тому, что, несмотря на любовь свою к ней, нейдешь в отставку, а продолжаешь служить; ты в восторге от ее простоты, а любишь роскошь и тратишь на одного себя более тридцати тысяч в год; ты сочувствуешь ее гордому презрению к свету и его мелочам, а сам суетен, ценишь свет и никогда нейдешь против общего мнения и принятых обычаев, что, впрочем, весьма благоразумно и естественно. Ты горд — и не вынесешь хладнокровно, когда увидишь, что твоя жена, по-видимому, хуже других и не может войти в борьбу с светскими женщинами; а ты без света жить не можешь и только на словах пренебрегаешь им, так, по какой-то привычке, взятой тобою в молодости, неизвестно как и почему; в доказательство скажу тебе, что ты хотя и влюблен, а всякую ночь ты на бале, где, вероятно, не вздыхаешь и не грустишь, а просто любезничаешь и веселишься. Все это бред. Поверь мне, что женщина, которая прожила двадцать семь или осемь лет в мещанском быту, которая не красавица, не имеет аристократических привычек и никакого понятия о светских условиях и ко всему этому застенчива и не обладает даже тайною одеваться с искусством, не может иметь никакого успеха в обществе. Успех в нем есть уменье и расчет; его можно достигнуть без красоты, без большого ума, но надо уметь достигнуть его: все заключается в уменье. Откуда она возьмет его? Притом она Федорова, и свет примет ее в заветный круг свой потому только, что она жена твоя. Сначала ей надо будет только стараться поддержать себя в нем на должной ноге. Смотри, сколько причин для полного ничтожества в обществе, и ни одной для успеха. Я нисколько не противлюсь: женись, если хочешь этого во что бы то ни стало; но поверь мне, избегай ран раздраженного самолюбия: живи смиренно и тихо, отклонись от прежней шумной жизни в кругу товарищей и модных женщин и не мечтай напрасно о бесконечных восторгах и несбыточных надеждах на какую-то пышную и поэтическую жизнь вдвоем, соединенную со всей светлой тщеславия, когда тебе вздумается ввести жену твою в гостиные, о которых она и понятия не имеет. Поздно ей в двадцать осемь лет привыкать ко всем тонкостям, глубоким соображениям и маленьким расчетам, благодаря которым занимается в них видное и почетное место. Конечно, ты будешь счастлив с Ольгой Николаевной один, два года, пожалуй, будешь бродить с ней летом в лесах, восхищаться природой, читать с восторгом германских поэтов и новых французских преобразователей (ты и на эту глупость, пожалуй, способен); но все это надоест тебе скоро. А после что будет? Ты опять попадешь в общую колею, которая всегда была твоя существенная колея, а она останется навек в своей, не имея возможности из нее выйти, хотя бы того и желала.

В этом письме вся сущность драмы, в нем видна запутанность положения Славина и безвыходность положения Ольги, оно же предсказывает и развязку. Зимой Славин влюбляется в княжну Горскину, но любит еще и Ольгу; он в затруднительном положении; он видит достоинства и той и другой, но в душе его нет настоящего мерила для женщины; он знает только светскую жизнь и только там умеет сортировать женщин. Этим пользуется княжна и приглашает к себе Ольгу на бал. На балу, разумеется, Ольга не может выдержать соперничества с княжной; Ольге на балу и скучно, и неловко, а княжна на балу как дома, это ее настоящая сфера.

С этого бала Ольга потеряла все в глазах Славина, он не мог простить ей неловкости в свете. Поздно увидела Ольга, что ошиблась, и эта ошибка стоила ей всей жизни.

Впечатление, производимое этой повестью, портится часто встречающимися длинными описаниями характеров и убеждений действующих лиц, а иногда и образа жизни того или другого сословия; видно, что автор не привык еще пользоваться своими средствами, которыми он наделен так богато. Результаты глубокой наблюдательности и правдивая оценка того или другого быта, при всей своей истине и значительности, если являются в художественном произведении в виде описаний и сухих рассуждений, вредят целостности впечатления. Все, что вы говорите, прекрасно и по убеждениям, и по чувствам, которыми они вызваны, и все это истинная правда; да художеству нужны образы и сцены, и одни только они всеильны и над воображением, и над волей человека. Вот единственный недостаток этого замечательного произведения. Говорят, что прошло время чистого искусства, что теперь время творчества мыслящего; но мы этому поверим только тогда, когда увидим такие произведения, в которых эта так называемая рефлексия не путает изящества и не ослабляет впечатления, им производимого. До сих пор мы видим только попытки такого рода, наполненные *высокими взглядами и глубокими идеями*, но лишенные художественности.

Вообще вся повесть написана живо и чистым русским языком; некоторые места превосходны, как, например, встреча Нового года и бал у Горскиной. Характеры большею частью мастерски нарисованы и верны действительности; особенно удались автору, по нашему мнению, мать Славина и княжна Горскина. В заключение поздравим публику с новым самобытным талантом и пожелаем г-же Тур всевозможных успехов на широком поле русской литературы, на которое она выступает с таким прочным дарованием и с таким прекрасным направлением.

А. А. Григорьев

«Причуды». Комедия П. Н. Меншикова
(«Современник», 1850, № VIII)

Наша литература так бедна драматическими произведениями, что всякое явление, выходящее сколько-нибудь из общего уровня пошлости и посредственности, задуманное с серьезною мыслию или отделанное с некоторым изяществом, возбуждает невольное к себе сочувствие, превосходящее часто самое достоинство произведения. Жадно раскрываем мы каждую новую русскую драму, и еще более — каждую новую русскую комедию, с надеждою найти в ней разработанным какой-либо новый пласт богатого содержания, представляемого многообразным русским бытом, тронутую какую-либо новую пружину. Почему, спросят нас, от драмы в особенности ждем и требуем мы таких психологических и исторических откровений? Да просто потому, что драматическая форма была, есть и будет венцом и вершиной поэзии, полным и цельным отражением народной жизни, народного сознания и народного созерцания. Истина общеизвестная, избитая едва ли не до пошлости, но повторишь ее поневоле, когда на страницах русского журнала встречаешь переписанную и принятою за новость фельетонную мысль иностранную, что вся задача драматурга состоит в том, чтобы *занимать* и *забавлять* публику, что в этом едва ли не вся заслуга Шекспира! — Шекспира, который, как известно всякому, кто только мало-мальски знаком с ним, как будто нарочно избегая всякого рассчитанного на успех эффекта, пренебрегал всяким случаем исторгнуть успех одним голым драматическим положением!.. Не здесь место рассуждать о том, в какой степени Шекспир был сценическим поэтом: во всяком случае, он не был никогда поэтом сценической рутины и никогда не писал ничего помимо глубокой внутренней основы, а мы, и несмотря на все новооткрываемые истины, будь они английские, французские, немецкие или русские — остаемся при том убеждении, что без серьезного содержания и без серьезного взгляда на жизнь немислимо истинно драматическое произведение.

Вот почему так резко и прямо, хотя, может быть, неполно, высказали мы наше мнение об одном из последних явлений нашей современной драматургии; вот почему, с другой стороны, мы хотим говорить и серьезно, и подробно о серьезном произведении г. Меншикова — «Причуды». Принадлежи комедия г. Меншикова к тому же жалкому роду произведений, в которых действуют небывалые князья или тамарины, с претензией на разочарование, удивляющие деревенских людей тем, что они завтракают вместо того, чтоб пить чай, надувающиеся, как мыльные пузыри, своим дешево приобретенным скептицизмом, — мы бы ни слова не сказали о ней или пожелали бы ей только счастливого пути в тот круг читателей, которые добродушно верят еще в существование князей, ардатовых или тамариных, как другие верят еще в существование огненных змиев, лукаво возмущающих нравственность супруг и домашнее спокойствие супругов. Но комедия умного и наблюдательного автора «Шутки» не имеет претензии ни на великосветскость, ни

на изображение разочарованных героев, ни на ту тонкость, к которой как нельзя лучше идет гоголевское восклицание: «галантерейное, черт возьми, обращение!» Она просто умна, она беспритязательна — это маленькая комедия: все отзывается в ней здоровым взглядом русского человека, на всем печать ловкой наглядки и остроумия, не напрашивающегося насильственно на ваше внимание. Здесь нет господ, которые с первого появления так и говорят вам: «вы, господа, смотрите на меня; я ведь не то, что вы думаете, я демон»; или: «я не просто бледный сколок с довольно ходульного лица в “Маскараде” Лермонтова, я сам по себе, я — Ардатов, я хочу мстить, сам не знаю почему и для чего, так, от пустоты душевной...». В комедии г. Меншикова действуют всё люди очень простые, не задорные, люди так себе, каких много найдется на Руси, каких вы признаете, пожалуй, своими знакомыми.

Позвольте же рассказать вам, что это за люди и что они делают на белом свете.

Приехала московская барыня Размазова, с сыном Виктором и дочерью Кларою, в далекое захолустье просторного русского царства. Автор превосходно очертил ее одним примечанием: «Размазова — московская барыня, с простым, несколько грубым лицом — *важная особа, по своим понятиям*». Что она важная особа — это видно из того, что она удивляет деревенских людей великосветскими привычками, как упомянутый нами Тамарин удивлял завтраком добродушного соседа; в ней также есть своего рода скептицизм; он выказывается неверием в цивилизацию уездного города и великосветско-равнодушным «э!» на рассказ соседки о хорошем тоне в доме того или другого помещика: она не знает, разумеется, ничего, что у нее делается под носом, не знает, что значит взломать овес, что такое левада. Это уж видно в натуре русского человека, чтоб он именно того-то и не знал, что у него под носом и к занятию чем предназначила его судьба. Дочка ее «Клара, то есть Клеопатра, *барышня с безжизненною физиогномиею, считающая себя красавицею, потому что высока ростом*» (так!), с таким же скептицизмом, не знающая ничего ровно, ни русского, ни даже иностранного, так что ее поправляют даже уездные барышни, читающие, по крайней мере, от доски до доски и из строки в строку русские журналы (так!). Они знают, например, что «*École des viellards*»¹ сочинил Делавинь, а не Мольер, знают, что «Библиотеку для чтения» издает Сенковский, знают имена русских актеров, а Клара и этого даже не знает, хотя живет в Москве и была в Петербурге. Сынок Размазовой Виктор — пустейший из московских денди, тоже скептик в своем роде, несмотря на свою непроходимую глупость.

Барыня Размазова, приехавши в глушь, решительно не хочет держаться пословицы: «с волками жить, по-волчьи выть»; забывает, что к ней никто не приедет, если она не сделает первого визита. И точно, ездят к ней очень немногие, именно: помещик Арбузов, человек, по всему видно, обуреваемый страстью быть сватом и вообще путаться в чужие дела из чистого дилетантизма, да барыня Крюкова — деревенская барыня с некоторыми претензиями на светскость и с дочками. Беседой Крюковой с старым лакеем Размазовых Анисимом, в ожидании уехавшей куда-то Размазовой, и открывается комедия. Крюкова, разумеется, любит повыведать подробности чужой домашней жизни; Анисим, представитель старого поколения Ванек и Гришек, до старости рад тоже излить свои неудовольствия на новый порядок вещей и изливает их чрезвычайно наивно. «Нынче всё по немецкому маниру, сударыня: кушать изволят господа, трое (лакеев) и прислуживают только. Прежде, бывало, барин сам-четверт за стол сядут, а все семь лакеев стой тут; гости приедут, хоть бы человек десять только, так и псарей нарядят, и ткачей иной раз пошлют: бриться приказано было ткачам, на всякий случай. Вот теперь нас кого в Москву возьмут, кого по оброку пустить хотят. Даром, говорят, мясчину получаем. Разорение господам!» — Жалобы его, как

¹ «Школа стариков» (франц.).

видите, чрезвычайно естественны; в одном месте только вкралось словцо, не соответствующее понятиям лакея: «*Все, видите, какая-то политическая экономия пошла*». Положим, что лакей и слышал этот термин, и мог употребить его в разговоре, только бы он непременно изломал его по-своему, обделал бы как следует. Анисим уходит чистить ножи, боясь, что «опять гневаться будут». Крюкова остается одна с дочерьми, Полиною и Надиною, «довольно милοвидными барышнями небольшого роста в очень длинных платьях». Полина и Надина... но автор так беспритязательно и мило обрисовал их, что мы решаемся целиком выписать сцену между ними и матерью, одну из самых лучших сцен в пьесе по мастерству и тонкости обработки:

Крюкова. Что им так вздумалось ехать в Васильевку...

Полина. Прокатиться хотела.

Крюкова. Ах, боже мой, что за жадность такая! Мало у вас дома ягод. Все как бы только чавкать что-нибудь. Смотри у тебя губы какие.

Полина (вытирая губы). Да я всего-то две ягодки...

Крюкова. Две ягодки! И платье-то... ах, боже мой, и платье выпачкала.

Полина. Не видать.

Крюкова. Поправь хоть этак немножко. Да кто это одевал тебя? Кто тебе платье застегивал?

Полина. Акинья.

Крюкова. А вот я ей, *долговязой*, велю... Да, правду сказать, станут они много о барышнях думать, коли барышни день-деньской на качелях с ними.

Надина. С кем же нам качаться?

Крюкова. А вот я велю срубить их. Хоть бы вариации какие на фортепьяно выучили. *Что за вас денег переплатили!* Дождитесь, скоро вас возьмет кто-нибудь.

Надина. Да еще бы, вы нам платьев порядочных не сделаете...

Крюкова. Какие вам еще платья сделать, коли вы одеться не умеете!

Надина. Да оттого, что у нас сшито всегда бог знает как. Что вы не отдали шить, как мы были в городе? Вот Блинова — и поменьше нашего состояние, а смотрите, как одета всегда хорошо. Корсеты из Москвы: ну, и талия хороша, разумеется.

Крюкова. Да уж откуда ни выпиши корсеты, хоть из Парижа прямо, а у кого с утра до вечера рот набит, никакой корсет не поможет.

Полина. *Не голодом же сидеть.*

Крюкова. Ну и пеняйте на себя. Не думаю я, однако ж, чтобы Размазов женился скоро: нынче молодежь-то бог знает что такое... да и женится если, так найдет и не у нас. Ведь эти столичные привыкли видеть женщин-куколок, *а чтобы цвет лица хороший был, так это и не в моде нынче*. Впрочем, как знать, чего не знаешь: мало ли что кому нравится. Ах, боже мой, боже мой!.. По-французски-то вы, того, не очень много распространяйтесь; с нашими, в деревне, другое дело, а за Размазовыми вам не угоняться.

Надина. Как же, тамап, коли кто начнет по-французски, как же не отвечать?

Крюкова. Ну, ответить или отпустить словцо-другое, да и съехать по-русски. Сами-то, по крайней мере, не задирайте по-французски.

И понятия, и выражения действующих лиц — в высшей степени верны здесь действительности, хотя вся сцена есть не что иное, как намек на отношения, набросанные мастерски, но несколько не развитые. Может быть, подобного рода комедии слишком еще тонки, несколько не по времени и не по быту, требующим красок более ярких, анализа более глубокого и сурового. Развейте-ка отношения этой матушки, имеющей претензии на образованность и желающей сбить с рук дочерей-невест, сбить во что бы то ни стало, сбить *quand même*² в ущерб и к здоровью, во вред их будущему благосостоянию, к этим достолюбезно-наивным дочкам, у которых под корою простоватости таятся все пороки, вся безнравственность жалкой полуобразованности, — и вот вам сцены в pendant к известному «Отрывку»

² Даже если (франц.).

великого поэта; вот вам матушка ничем не лучше той, которая во что бы то ни стало хочет поверстать в юнкера почти тридцатилетнего сына, которая для достижения своей цели — расстроить невыгодную женитьбу — готова сдружиться с грязным Собакиным. Г. Меншиков не хотел взрезать аналитическим ножом ровной и несколько смешной поверхности этих отношений, не хотел, да и не мог, по самому роду своего таланта, которому дано только верно и метко схватывать лишь то, что выплыло на самую поверхность. Благодарность ему и за то, что он не клеветает на жизнь, не преувеличивает резко-выдающихся комических сторон, не пересаливает. Ответы Надины и Полины наивны до комизма, даже милы, если хотите; а взгляните-ка опять попристальнее в психологические основы этих ответов, в причины, почему у них, например, по энергическому выражению матушки, «с утра до вечера рот набит». Почему-то эти лица напомнили нам одну, теперь забытую, повесть и в особенности одно лицо этой забытой повести. Повесть эта напечатана в одном из журналов в 1845 году и называется «Старое зеркало»; в эстетическом отношении она страдает многими странными промахами и недостатками, но на ней лежит след тяжелой, грустной думы и строгого, хотя несколько одно-стороннего анализа: все идеальные лица не удались автору, но зато везде, где коснулся он повседневных явлений, он проследил их с беспощадною последовательностью мысли, созревшей в опытах жизни. Нам вспомнилась эта повесть, с такою же, как Полина и Надина, наивною, простоватою и миловидною барышнею; о которой дворовые говорили: «Марья Ивановна молодец; она умеет обращаться с нашим братом: она и в кухню зайдет, и на скотный двор прибежит, и окрик даст», — с этой, по выражению отца, козырем-девкою, имеющею обратиться впоследствии в бой-бабу, уж как способною держать в ежовых рукавицах слабодушного господина, пленившегося ее *милою* непосредственностью. В такую же бой-бабу имеют обратиться со временем и Полина и Надина, обе выкроенные почти безразлично на одну мерку и так слегка, но так метко очерченные немногими и краткими ответами в выписанной нами сцене. Повторяем: все достоинство этой сцены — в меткости и простоте очерка.

Вслед за этим является и м-м Размазова, и в разговоре ее с Крюковой высказывается весь ее *скептицизм*, как мы уже упоминали. В ней и в ее дочке Кларе — совершенно одинаковое невежество в отношении ко всему, что у них под носом. Уездные барышни видят ясно всю простоту столичной, и одна из них спрашивает ее между прочим: «Вы знаете, что такое овца?», на что та отвечает с полным самодовольством знания: «Слава богу! за кого вы нас считаете? овца — это мадам баран...». Сынок Размазовой Виктор еще пошлее и пустее своей сестрицы. Он точно так же скептически издевается над уездным городом, предполагая, что в собраниях танцуют там экосез, а не польку. Бедный! он несколько и не подозревает, что в отношении к человеческому достоинству и к человеческой гражданственности он едва ли стоит не ниже уездных барышень, с которыми корчит скептика и разочарованного, — что в них есть хоть что-нибудь да свое, а в нем положительно ничего нет. Оставшись один, он решительно не знает, что ему делать, хоть бы стрелять, что ли, да и стрелять он не умеет, не знает ни одной птицы по виду, словом, ничего не знает, что бы помогло ему убить время. На помощь призывает он лакея Афанасия, но тот не в состоянии растолковать ему, что тут за птица летает, и призывает собакинского мужика Трифона. Трифон рассказывает ему, что водятся у них и баранчики, то есть бекасы, что они варят их во щах, что много и раков в реке тоже, которых они тоже варят в воде: «снадобья»-то, благо, не надо никакого; зачерпнул воды — вот и все тут. «А соли? — спрашивает Виктор. — Соль-то, барин, стоит чего-нибудь: как же ее на гадину изводить?» Виктору наконец приносят ружье: он стреляет, но попадает вместо птицы в подвернувшегося как-то Трифона.

Действие переносится в деревню г-д Собакиных, людей совсем иного покроя. Собакин — пожилой человек, с несколько суровой физиономией, с практическим смыслом, который указал ему на пользу дельной образованности, заставил его читать статьи о сельском хозяйстве и т. д. Природа этого господина немного черства, если хотите; практичность его доходит до того, что он изо всего хочет извлечь выгоду, даже из увечья Трифона, и выгода у него на первом плане; любовь к комфорту и удобствам жизни стоит у него еще на низшей степени; без жены бы он, например, не понял, что недурно лакеям за столом быть и без гостей в перчатках; вообще на счет изящных вкусов и привычек многого от него не спрашивайте, но зато он горячо — и мало того горячо — разумно любит свою дочь, как мы увидим впоследствии, хотя и здесь без благодетельного влияния жены, он, быть может, и не понял бы вещей как следует. Его лучшее качество — любовь и уважение к жене, выражающиеся не в гнусном положении мужа под башмаком, а в разумном сознании превосходства ее понимания над его пониманием. Между ним и его женою — не маниловские отношения, не сентиментальная дружба, а благородная уверенность друг в друге. Жена Собакина — немолоденькая женщина, с весьма приятным, умным лицом и хорошими манерами; она не только знает цену образованности, но истинно образована: изящные привычки обратились у нее в натуру, а прямое разумение долга, жизни и исполнение его дали ей много уважения к самой себе, много терпимости и снисходительности к другим. Ее не удивит столичная барыня аристократическими замашками, потому что где бы и с кем бы она ни находилась, тонкое женское чутье покажет ей, как вести себя с достоинством; с другой стороны, вследствие той же самой образованности, в ней нет закоренелой и упорной замкнутости, нет дикой вражды к хорошему чужому и столько же дикой любви к дурному своему. Не сделалась она также ни синим чулком, ни суровой проповедницей: она сумела найти дело жизни вокруг себя, не разошлась с окружающим ее людом; она понимает все, даже удовольствие играть в карты в деревне, точно так же, как понимает наслаждения более изящные.

Под влиянием таких начал сложилась счастливо устроенная природа дочери Собакиных. Именно, это природа счастливая, в которой все стройно, ладно и соразмерно, нет ничего угловато выставившегося вперед. Вы не назовете такой природы богатою, потому что, как известно, в богатых природах много пищи для добра и зла, для мук и счастья, и бог знает, куда еще поведет их случайность, бог знает еще, что таится для них в будущем. А за Елену Собакину можно быть совершенно покойным. Она не страстна и, притом все в ней подчинено ясному, простому, практическому взгляду на вещи. Это не строгая пуританка вроде Клариссы Гарлоу: Кларисса, как вы знаете, погибла, несмотря на свой пуританизм и, может быть, вследствие этого пуританизма; с другой стороны, это не барышня вроде Полины и Надины. Ей все понятно и доступно, но только в меру, в известных границах, и, вместе с тем, она несколько не самоуверенна. Это отсутствие самоуверенности в особенности и предохраняет ее от всяких неразумных увлечений. Вот отрывок из ее разговора с столичным фатом:

Е л е н а. В Петербурге хорошо зимой, а летом-то, я думаю, в деревне лучше. Да и что за неволя стесняться целый век, между тем как в деревне некуда деньги девать. Мы не можем проживать очень много. Попробуйте-ка нанять в Петербурге такую квартиру, как наш дом с садом, — да тут половины доходов с имения мало — а нам здесь ничего не стоит; стол тоже стоит очень мало, а в Петербурге все это очень дорого, говорят. Ну-с, а экипаж, туалет... Конечно, у кого много денег, в Петербурге очень хорошо жить; а чтобы при маленьком состоянии стесняться по доброй воле, я не понимаю.

В и к т о р. А зато сколько удовольствий! опера, балет, концерты, собрания, гулянья...

Е л е н а. Все это хорошо для богатых людей. Я про них и не говорю. А часто ли небогатые, не делая долгов, разумеется, могут ездить в театры да в собрания? Один вечер в театре, да неделю жить

в тесной квартире! три раза в собрания, да целый год думать об экономии! Я опять не говорю о тех, которые обязаны жить в Петербурге; ну а те, которые не обязаны? Какая разница, при одинаковых средствах, в столе в Петербурге и в уезде, где всякая провизия нипочем? Могут ли очень прихотничать небогатые люди в Петербурге, где все так дорого! Сошьют иные нарядное платье для собрания, да и наквитывают тем, что едят какую-нибудь пустую кашичу: вот вам петербургские удовольствия!

В и к т о р. Мне кажется, в деревне любят покушать хорошо.

Е л е н а. Да где ж не любят? И все бы любили, я думаю, да обстоятельства не позволяют. Что ж это за человек, который не знает, что такое вкус, которому все равно, что бы ни есть? Я понимаю еще, что можно жертвовать собою иногда, переносить неприятные часы за приятные минуты; но что-бы, как говорят, есть женщины, которые готовы год просидеть в тюрьме, с тем чтобы они по два раза в неделю были на бале, этого я не постигаю. Впрочем, ведь надо и то сказать, если бы я жила всегда в Петербурге, я бы, может быть, иначе думала, я бы тоже, может статься, согласилась терпеть голод, чтобы быть иногда на бале в собрании. Я осуждаю других, проповедываю вам, а между тем, признаюсь, пешком пошла бы иной раз в город потанцевать на бале: такая уж, видно, натура женская.

Да, такова натура и Елены, только эта натура рано устала себя в границы, под влиянием начал отца и матери. Правда и то, что на натуру пламенную эти начала, несмотря на свою мягкость и разумность, подействовали бы скорее отрицательно, чем положительно.

С такой-то женщиной, в 19 лет совершенно свободной и развязной, но вместе с тем не позволяющей себе увлекаться ничем мишурным и ложным, сталкивается пустоцвет Виктор, приехавший к Собакину для объяснения по делу об увечье Трифона. Объяснения кончились дружелюбно (Собакин извлек из этого случая возможную пользу — невесту для одного парня из своих крестьян), Виктор остается обедать по приглашению радушных Собакиных и в первом же разговоре с бойкою, мною девушкою разбит в пух и прах. Она увидела его насквозь, увидела всю его пустоту и безосновательность сквозь мишуру светского фатства. Она не враждует с ним, она его даже не презирает — хуже того, она его любит, как мебель, привыкает к его глупой и скучной болтовне, как привыкаешь к глупому стуку маятника.

И вот мы опять у Размазовых. В доме у них все носит на себе печать богатства и бесхозяйности: местами карниз обвалился и по стенам следы протечи; все дышит вялою скукою и грубой ленью. И м-м Размазова и Клара, наедине без гостей, сидят в дезабилье весьма не изящном. Кларе нечем заняться, потому что нельзя же вышивать по допотопным рисункам Крюковых, нельзя читать русских книг и т. д. Даже матушка, и та говорит ей: «все уже лучше шить подтяжки, чем так болтаться по горницам». Заходит разговор о Викторе и о его частых поездках к Собакиным... М-м Размазова сначала и верить не хочет, чтобы сын ее, за которого пойдет богатая графиня Трезвонова, влюбился в какую-то м-ль Собакину, не говорящую по-французски, но, наконец, принуждена поверить, когда он сам говорит ей об этом. Сначала она и слышать не хочет, но приезжает Арбузов и улаживает все дело: во-первых, он уверяет, что Елена говорит по-французски, а во-вторых, убеждает следующим резонем: «Ах, матушка, не знаете вы разве нынешнюю молодежь? Проговорился, что жениться хочет, да благо, что на порядочной, не на мамзель Плезир какой-нибудь, — я бы сейчас и обвенчал его поскорее, а то еще отдумает, пожалуй». Размазова почти убеждена; дело только в том, кто первый сделает визит? Арбузов и это обдeldывает: он придумывает свести Собакиных с Размазовой на свадьбе парня Собакиных с девкою из деревни Размазовой.

Свадьба — прекрасные эпизодические сцены, подтверждающие наше мнение о ловкой наблюдательности г. Меншикова. Мы не выписываем их, но не можем не заметить одной удачной черты. Жених Дементий осерчал на то, что гости не оставили ему молочной каши, ушел стругать ножом палку и на все уговоры идти сидеть с невестой отвечает: «Эк пристали! Есть там народу. Кашу ели, так и невдогад

было»; на вопрос же: «что подумают добрые люди? — «А кашу ели добрые люди, не подумали, что, дескать, жениху-то останется ли?»».

На этой свадьбе Размазова знакомится с Собакиными, потом решается ехать к ним сватать своего сына. Слухи об этом дошли до Собакиных и прежде; они спрашивают Елену, пошла ли бы она за Виктора; Елена отвечает: «Нет». — «А от чего бы, например?» — спрашивает Собакин, кажется, не совсем из простого любопытства и не совсем из чистого желания узнать мысли дочери, а чуть ли не с затаенным расположением к такому браку. «Да что, папенька, за неволя такая? — отвечает Елена. — Уж он так глуп иногда! Гостем он, ну еще положим, хоть и врет иной раз такую чепуху, ну да по крайней мере занимает иногда, старается угодить, и в карты играет, и на охоту ходит с нами». Мать подтверждает ее взгляд. Собакин замечает: «Ну, хорошо, посватайся-ко он в самом деле — другое запоете». Приезжает Арбузов и с радостью объявляет им, что Размазова приедет свататься. Каково же удивление этого радушно хлопотавшего человека, когда известие встречают без восторга, без удовольствия, когда говорят ему, что Леночка не пойдет за Размазова. Он в толк не может взять почему? На слова их, что Виктор глуп, Арбузов отвечает, по-своему, очень резонно: «Да что ж вам, в самом деле, кого ж вам надобно, чтобы сочинения сочинял, что ли? Чем же он глуп, я не знаю».

С о б а к и н а. Да что за неволя с дураком-то жить? И в гости он придет, так надоест иной раз. А тут всякую минуту думать, чтоб он глупость какую не отпустил, краснеть за мужа... *что надо думать о женщине, которая вышла за дурака, зная наперед об этом?*

А р б у з о в. Ах, матушка, да она умна, так в руки возьмет его.

С о б а к и н а. Что ж это такое значит — в руки возьмет? Нянькой его будет или *выманит, чтобы он все имение переписал на ее имя?*

А р б у з о в. А что ж такое? Он ее любит. Может быть, она и успела бы сделать, что он *хоть не все имение, а хоть половину переписшет на ее имя!*

Не правда ли, что Арбузов очень наивен, не правда ли, что он имеет полное право удивляться упорству этих чудаков? Еще более изумлена м-м Размазова. Да и представьте себе, в самом деле, ее положение? Она приехала в дурную погоду бог знает к каким-то Собакиным, она, с таким торжеством, с таким сознанием своего достоинства, сказала им: «А вот я вам жениха посватаю, так уж не голь, по крайней мере», — и эти слова встречены как-то странно, с каким-то холодным удивлением. Верная своей натуре, м-м Размазова замечает с маленькою злобою: «Ну, после того, как он столько времени ездит к вам, всякий день почти, мудреного нет», — чтоб вполне огромишь своим великодушием, напоминает, что за Виктора «графиню Трезвонову с удовольствием бы отдали», а Собакины только благодарят ее за честь, говоря, что надобно спросить, согласна ли дочь. — Ну, конечно, разумеется, — говорит м-м Размазова, — впрочем, я думаю, нечего тут будет ни принуждать, ни уговаривать. — Вы полагаете? — замечает Собакина. — Я уверена почти, — отвечает барыня. — Сын-то мой уверен, по крайней мере. — В самом деле, по своей невообразимой пошлости, Виктор убежден, что в него нельзя не влюбиться. Зовут Елену, и мать боится, не схитрила ли она уж прежде в разговоре с ними, мучительно трепещет, когда Размазова самодовольно и торжественно говорит: «Bonjour, ma bonne amie³. Пожалуйста-ка к ответу». Но Елена все та же: она удивляется, когда Размазова говорит о равнодушии ее к Виктору, поясняет так просто и вместе так убийственно-равнодушно их отношения. Размазова не просто сконфужена — уничтожена, хоть Собакина и говорит: «Кто ж будет знать, что он сватался? Будьте уверены, мы не станем рассказывать». А Арбузов все-таки в толк не возьмет — как это отказали

³ Здравствуйте, дорогая (франц.).

Виктору? И он — и прежде того м-м Размазова, — все добиваются, не заметили ли, что у Виктора дурной характер, не заехал ли он как-нибудь сюда нетрезвый?.. — Нету, нету, — отвечает очень просто Собакина. — Да если б это и случилось с кем, не навек же из этого репутацию терять. — Ну признайтесь мне, — говорит наконец нимало не убежденный Арбузов — главная-то причина какая, что Елена Тимофевна не хочет выйти за Размазова?

— Да говорят вам, ума в нем мало, — повторяет Собакина.

Следя содержание комедии г. Меншикова, мы имели в виду преимущественно и почти исключительно ее достоинства, мы читали часто, так сказать, между строками, много пополняли, поясняли и даже угадывали — верно ли, нет ли, — судить, конечно, не нам. В этом-то и заключается главный видимый недостаток комедии: многое обозначено в ней слишком уже тонко, почти полунамеком; многое другое, напротив, отделано с излишнею подробностью, с тою щепетильною тщательностью, которая так же неуместна в ней, как неуместна и вредна была бы отделка мелочей на самом заднем грунте картины. Есть множество сцен, множество длинных разговоров, которые нисколько не ведут к делу, которые прямо подмечены в действительности и случайно перешли на бумагу. От этого в комедии г. Меншикова нет перспективы, нет выступающих характеров, нет истинного комизма: он пропадает, или загроможденный кучею лишних подробностей, или недосказанный. Нет в ней, одним словом, того качества, без которого не в силах ничего сделать ни ум, ни наблюдательность: нет творчества, которого самое название желали бы стереть с лица земли многие из quasi-литераторов. Сцены г. Меншикова — умная, но холодная копия с действительности; прочтя их, скажешь, пожалуй: это могло быть так, но не скажешь, то есть не почувствуешь, что это непременно должно было быть так. Отсутствие творчества отразилось здесь во всем: и в эпизодах неискусно впутанных, и в резонерстве, и в самом языке, наконец, списанном прямо с действительности и мертвом, как сколок. Нет даже слов, которые бы резко характеризовали лица, — нет потому, что таких слов не дается простому кописту.

А между тем, все-таки умная комедия принадлежит к числу попыток, о которых стоит говорить серьезно. В ее ловких и бойких намеках есть *правда*: и этого довольно, этого даже много.

А. В. Дружинин

**Современные заметки.
Письма Иногородного Подписчика
в редакцию «Современника»
о русской журналистике. XX
Отрывок**

Как ни длинно письмо мое, но я не могу умолчать в нем о повести нового писателя, г. Писемского. Она помещена в двух последних книжках «Москвитянина» и называется довольно странно: «Тюфяк». Я бы посоветовал ее прочесть всякому, если б не знал, что ее и без того прочтут из-за одного ее оригинального заглавия. Тюфяками, как узнал я из повести, называются люди очень робкие, нескладные и чуждые общества: стало быть, Тюфяк значит почти то же, что Медведь. Но «Медведь» графа Соллогуба есть верх светскости в сравнении с «Тюфяком» г. Писемского: герой новой повести боится говорить даже с любимой женою, в день своей свадьбы. Повесть г. Писемского еще не кончена, и потому я не стану рассказывать ее содержания; она весьма занимательна, несмотря на чрезвычайную простоту событий, несмотря на то, что в ней много заимствованного. Но главным достоинством в авторе нужно признать его замечательную наблюдательность, подчас доходящую до подсматриванья таких микроскопических фактов, о существовании которых даже не знает иной читатель. Люди, одаренные наблюдательностью и умением передавать подмеченное ими, весьма склонны к крайностям, а что еще хуже — к претензиям: достоверно можно сказать, что редкий литератор уберегается от дурных сторон мелкой наблюдательности. Мы видели писателей, до того вдавшихся в мелочи, что им оставалось только враждовать с теми, которое идут по другой дороге; мы видели энтузиастов, утверждавших, что вся наша жизнь состоит из мелких и микроскопических драм и что иначе смотреть на действительность могут только люди безумные. Были любители, из мелочей силившиеся создать что-нибудь грандиозное и ощущавшие трепет при описании дурной погоды и пешехода, потерявшего калошу в грязи. Но г. Писемский не принадлежит к числу когда-то многочисленной колонны псевдореалистов: он совершенно чужд претензий, высокопарных умствований и беспрестанных отступлений; его рассказ сжат и прост, а эта самая простота так привлекательна, что повесть хочется прочесть больше одного разу. Я это сделаю и тогда уже поговорю о ней с читателями.

А. В. Дружинин

**Современные заметки.
Письма Иногородного Подписчика
в редакцию «Современника»
о русской журналистике. XXI
Отрывок**

Заговоривши о беллетристике, тороплюсь сказать, что могу, о повести г. Писемского «Тюфяк», ныне оконченной в 21 книжке «Москвитянина». Отозвавшись с похвалою об этом весьма приятном явлении, я и теперь остаюсь при своем мнении; а желая, чтоб дарование г. Писемского было знакомо как можно большему числу русских читателей, с особенным удовольствием посвящаю несколько страниц разбору его повести.

В одном небольшом городе проживает довольно бедное семейство Бешметевых, состоящее из больной старухи-матери, холостого сына (он-то и есть тюфяк) и замужней дочери, выданной за господина разбитного характера, немного приходящегося сродни Ноздреву. Молодой Бешметев неглуп, очень учен, мечтает о славе и ученых трудах; но он неловок, вял и совершенно не понимает практической жизни. В семействе его нет согласия, благодаря беспутной жизни разбитного Масурова и сплетням дальних родственников, из которых одна, Перепетуя Петровна, очерчена с большою ловкостью. Роль молодого Бешметева, как главы семейства, может быть очень полезна и почетна: он понимает, что ему или никому другому предстоит устроить дела, водворить мир и согласие, обуздать гуляку Масурова, пособить сестре защитить ее от разных дон-жуанов того края и наконец наотрез отказать от дома коварной Перепетуге. Но, чувствуя необходимость энергии, бедный тюфяк не знает, на что решиться, и вертится во все стороны, поддаваясь враждебной обстановке своего быта.

Спасовав один раз перед практическими интересами жизни, тюфяк делает новую глупость. Он врезывается по уши в хорошенькую и бойкую девушку, Юлию Владимировну и, не делая ничего в свою пользу, предоставляет хлопотать за себя судьбе и добрым людям. Сваха, без его ведома, устраивает дело. Родители Юлии, зная, что Бешметев имеет кое-какое состояние, уговаривают дочь за него выйти. Перед тюфяком новая жизнь, обещающая счастье. Конечно, Юлия не любит его; но она молода, не совсем испорчена дурным воспитанием: ее можно переделать, сблизиться с ней... Но тюфяк и остается тюфяком: он глуп и молчалив с своей невестой, и в день брака она не чувствует к нему ничего, кроме крайнего равнодушия.

Проходят месяцы. Бешметев влюблен в свою жену, но все-таки глуп до чрезвычайности. Ни твердости, ни плана поступкам, ни занимательности! Юлия от скуки начинает кокетничать с молодежью: тюфяк приходит в отчаяние, воображает, что все потеряно, увозит жену в деревню — и все-таки продолжает любить ее.

Еще один раз благосклонная судьба дает Бешметеву средство загладить прошлое и быть счастливым: он наедине с любимую женщиною, она огорчена, он может простить ее и вновь завоевать ее сердце. Но перед такими соображениями павсали люди и попрacticalнее нашего героя; тюфяк же ведет себя как нельзя хуже:

находит удовольствие обижать дорогую ему женщину, и история оканчивается плачевнейшим образом.

Читатель видит, что психологическая сторона интриги прекрасна. Тюфяк — лицо чуть не типическое. Автор испортил его, придал ему излишнюю дозу неловкости, робости и запутанности, что дает Бешметеву вид типа давно избитого. Сколько я понимаю, характеру Павла следовало бы придать колорит пассивности, *laissez-faire*¹, той неловкости, той развитости в одну сторону, которая так портит жизнь умных людей и встречается у особ даже богатых, даже говорливых, даже ловко танцующих. Юлия чрезвычайно верна и привлекательна, несмотря на все слабые стороны. Множество второстепенных лиц, как то: отец Юлии, Перепетуя Петровна, Масуров, лакей Спиридон, француз Мишо, — отделаны безукоризненно; язык, которым говорят они, списан с натуры. Чтоб познакомить читателя с манерою автора и его рассказом, чуждым всякой изысканности, я приведу одно далеко не лучшее место в повести. Дело идет о французе Мишо.

Здесь я должен объяснить, что милосердая Катерина Михайловна в это время дала приют в своем обширном доме одному безместному французу-гувернеру, которого завез в эту глушь один соседний помещик за довольно дорогую плату, но через две же недели отказал ему, говоря, что м-г Мишо (имя гувернера) умеет только выезжать лошадей, но никак не учить детей. Почтенный отец семейства до того желал отделаться от наставника, что даже отказался от данных ему вперед трехсот целковых и просил только м-г Мишо убраться, куда ему угодно. Гувернер был в весьма затруднительном положении; у него не было ни копейки, и я не знаю, чем бы все это для него кончилось, если бы милосердая Катерина Михайловна, узнав о новой жертве, не послала к нему тотчас лошадей с приглашением приехать к ней. Француз, разумеется, не замедлил согласиться и, предоставив о будущем заботиться своей судьбе, приехал и поселился весьма комфортабельно в нижнем этаже дома своей покровительницы, прося ее беспрестанно занять где-нибудь, хотя напрокат, сынка или дочку, которых бы он, по его словам, удивительно воспитал. Проживая таким образом, он обыкновенно рассказывал различные комеражы, происходившие в доме почтенного, но выгнавшего его помещика. Старуха помирала со смеху, слушая рассказы своего милого француза, который был действительно мил. Имел ли он, собственно, достоинства воспитателя, я не знаю; по крайней мере, если их и имел, то тщательно скрывал таковые. Но зато он владел другими достоинствами, а именно: имел чисто французскую выразительную физиономию, был прекрасно одет, щегольски ездил верхом и мастерски стрелял, играл довольно недурно на фортепьяно, а главное — наделен был способностью болтать по целым дням на всевозможные тоны и навсистывать целые оперы, причем обыкновенно представлял оркестр, всех певцов и даже самый хор. По-русски м-г Мишо говорил чисто, что и заставляло думать, что вряд ли он и не родился в России; но, впрочем, сам он уверял, что произошел на свет на берегах Сены, и даже в Сен-Жерменском предместье, откуда для развлечения приехал в Россию и принялся образовывать юношество. Вот какого человека встретила Юлия в доме своей новой знакомой.

Старуха еще дорогой рассказала Бешметевой о своем милом жильце и, приехав, тотчас же познакомил их. Разговор сейчас завязался. М-г Мишо не замедлил пропеть комическим тоном несколько арий из «Лючии», представил оркестр из «Фра-Дьяволо», потом описал породу нормандских лошадей, описал также ужасное происшествие, постигшее один французский фрегат, попавший в плен к диким, и в заключение нарисовал карикатуру одного знакомого соседа. Юлии было невыразимо весело; она забыла свои неприятности, забыла мужа, смеялась и говорила беспрестанно. Милосердая хозяйка тоже покатывалась со смеху, слушая бесценного м-г Мишо, который не ограничился еще этим, но, перестроив себя на печальный лад, продекламировал несколько стихотворений из Виктора Гюго, причем, возведя очи к небу, вспомнил о своей невесте, будто бы два года тому назад умершей, и потом, расчувствовавшись, уселся за фортепьяно и проиграл две арии из Шуберта.

Я сказал уже о верности языка действующих лиц; но этого мало: можно быть верным — и скучным; а язык, на котором говорят герои г. Писемского, обладает той бойкостью и оригинальностью, которая так очаровательна в романах господина Вельтмана. Количество наивных, забавных, характеристических выражений, подмеченных

¹ Здесь: попустительство (франц.).

автором «Тюфяка», поистине изумительно: у него горничная, кучер, сплетница, гуляка и враль Масуров, разочарованный щеголь Бахтиаров говорят своим особенным слогом, а речи сварливой Перепетуи Петровны так и сверкают оригинальными поговорками. Кто не знает, до какой степени странен язык, на котором объясняются барыни-говоруньи, хватающие свои слова отовсюду, сами изобретающие разные наименования вещам и вследствие неутомимой болтовни налагающие на русскую речь колорит такой же самостоятельный, как тон, придаваемый ей обрусевшими немцами или купцами с Апраксина двора? Такие барыни часто не помнят содержания чужих речей, но, подметивши в них какое-нибудь новое, выразительное слово, тотчас его запоминают, переделывают по-своему и пускают в оборот. Кажется по временам, что русский язык, при всем своем богатстве и обилии слов, не удовлетворяет потребностям неутомимых трещоток: зная кусочки французского языка, они их пускают в дело: они готовы сочинять новые слова, заимствовать их из Алкорана, если б Алкоран был им известен. Иная вещь их *фрapiрует*, иной господин слишком *женерозен*, такое-то семейство *проюрдонилось* до копейки и подняло *альярму* и т. д., и т. д. Перепетуя Петровна г. Писемского — болтунья почти единственная в нашей беллетристике. Она с первого взгляда кажется очень зла, но, взглядевшись в нее, убедившись, что она только болтунья, принесшая в жертву своему языку все хорошие побуждения души и сделавшаяся сварливой, «завистливой и ненавистливой» из страсти к отчаянной болтовне.

При первом чтении «Тюфяк» едва ли понравится многим читателям. В нем мало внешней занимательности, и это я ставлю в вину автору. Беллетристу, как бы талантлив он ни был, незачем бегать от живых сцен, движения, даже таинственности и эффектов: он пишет не для одних дилетантов, уже охлажденных к романам и при чтении занимательного рассказа говорящих: «лучше Монте-Кристо не выдумашь, любезный друг!» Ссылаюсь на всех людей, в молодости своей изведавших наслаждение литературного успеха: что радовало их более — умная печатная похвала всеми уважаемого критика или ободрительная улыбка молоденькой девушки, может быть, только что бросившей музыкальный урок для чтения вашего произведения, — что было ему лестнее после первых дней успеха — приглашение такой-то и такой-то редакции к сотрудничеству или любопытный взгляд человека, по всей вероятности, очень мало читавшего на своем веку? Отбросив эгоизм в сторону, все-таки придется сознаться, что внешняя занимательность — великое дело, способствующее к тому, чтоб произведение читалось быстрее и внимательнее и, может быть, было еще раз перечитано. Поясним слова наши примером: возьмите две тетради английских гравюр, одну из них переплетите великолепно и со вкусом, другую велите обделать в корешок из телячьей кожи и положите обе на стол в гостиной — держу пари, что изящно переплетенный кипсек обойдет всех ваших гостей вдвое скорее, нежели вторая — тетрадь, переплетенная чересчур скромно.

По моему мнению, девизом каждого поэта и беллетриста должны быть слова: «простота подробностей, замысловатость замысла». Внешний или фактический интерес каждого произведения предохраняет его от забвения так же, как соль мешает порче съестных припасов, и хотя сравнивать поэзию с рыбой и говядиной не очень удобно, но в этом случае я не нахожу другого сравнения. Интерес содержания действует подобно печатному указателю редкостей в картинной галерее: руководясь им, читатель через сотню лет остановится над вещью, им отмеченною и, начав чтение из простого любопытства, поневоле будет всматриваться в частности, отдавать всю справедливость их изяществу и естественности. Творения самых отдаленных периодов словесности привлекают наше внимание, если они замысловаты; народная песня, несмотря на всю прелесть отдельных ее отрывков, скучна, если в ней нет содержания, что часто случается с русскими песнями; и сказка не переносит нас в волшебный свой мир, если в ее плане нет чего-нибудь привлекательного.

1851

А. В. Дружинин

**Современные заметки.
Письма Иногородного Подписчика
в редакцию «Современника»
о русской журналистике. XXII – Декабрь 1850
Отрывок**

Замечательнейшею вещью в 22 номере «Москвитянина» могут назваться сцены А. Н. Островского под названием «Утро молодого человека». Известность их автора так велика, что, по всей вероятности, весьма многие из русских читателей уже успели узнать эти сцены и даже отозваться о них не совсем выгодно. Я, с своей стороны, согласен с отзывами многих беспристрастных ценителей в том, что «Утро молодого человека» основано на идее старой и избитой, что сцен этих слишком мало, что самый язык действующих лиц не имеет той прелести и той природы, которой всякий ждет от комика, подобного г. Островскому, и со всем тем, я убежден, что каждый журнал с радостью поместил бы «Утро молодого человека» на своих страницах: так много в этих коротеньких сценах простодушной бойкости и наблюдательности. Неужели же людям с замечательным дарованием трудиться весь свой век над произведениями длинными, глубоко обдуманними, требующими усилий и вечных колебаний? Неужели им нейдет изредка набросать, эскиз, снять беглый очерк с предмета, им нравящегося, сделать шутливую заметку, даже карикатуру? По мнению строгих любителей изящного, даровитый писатель обязан без отдыха двигаться вперед, презируя мелочами жизни и думая только о том, чтоб его перечитывали через четыреста лет с небольшим. Эти-то строгие любители, при всей своей симпатии к г. Островскому, встретили его новое произведение с решительным неудовольствием и вместо того, чтоб поблагодарить автора за целый ряд оживленных, приятных и легко читающихся сцен, говорят о них неохотно, и только совестятся назвать их совершенно плохую вещью.

Есть писатели, имеющие способность быть всегда умными и новыми. Таким людям можно в часы досуга и лениности умственной писать решительно о чем им вздумается: о табаке, африканских степях, петербургских пuffedках, о балете, сочинениях Макиавеля, или псовой охоте, о симпатических улитках, или новых французских романах, — под их пером всякая мысль уляжется ловко, всякая картинка будет привлекательна. Склад их ума так оригинален, их наблюдательность так изощрена, что для них общих мест не существует. Писатели подобного разряда всегда одинаковы, всегда верны самим себе как нельзя более. Они могут описывать дурную погоду — и их дочитают до конца, они могут построить какую-нибудь сценку на избитой мысли — и сцена будет жива. К таким писателям я смело отношу г. Островского, хотя, сколько я знаю, он никогда не писал ни о Макиавеле, ни о железных дорогах, ни о симпатических улитках. Чтоб вполне согласиться со мной, нужно только перечитать собрание мелких статей из «Смеси» «Москвитянина», — статей, посвященных картинам из русского и особенно московского быта, как то: вскрытию Москвы-реки, извозчикам, Охотному ряду и так далее. Все эти статьи показывают в авторах (Мее, Берге и др.) наглядность,

старание, любовь к простому быту, дилетантизм наблюдательности. Отчего же результат их дилетантизма таков, что ни одна из их статей не читается без скуки? Через несколько страниц после «Утра молодого человека» в той же книжке «Москвитянина» помещен юмористический рассказ г-на Г. «Неожиданное знакомство с новым соседом», где рассказывается, как один молодой псовый охотник затравил русака в спальне у своего соседа по имению. Основание рассказа довольно комическое, но комизма в нем нет ни малейшего, хотя его автор пукался в анализ характеров, делал отступления и даже ссылался на древних жрецов. Недоставало ему только коснуться греческого философа Диогена; но сомневаюсь, чтобы и в таком случае рассказ выиграл. А в то же время г. Островский представил три-четыре сценки из быта купца Недопекина, и сценки эти читаются так быстро и легко, что рука невольно тянется к прочитанным уже страницам и хочет перелистовать их сызнова.

Мысль, лежащая в основании сцен г. Островского, без сомнения, стара; но это не мешает изяществу подробностей. Молодой купец Недопекин вздумал жить не по состоянию и сблизаться не с своим кругом, одел свою прислугу на заграничный манер, окружил себя объедалами и исполняет все их прихоти, изредка позволяя себе обычное удовольствие амфитриона, то есть некоторые дерзости в разговоре с прихлебателями. Родственник Недопекина, старый купец Смуров, является к нему, смеется над его затеями и приносит известие о том, что денежные дела нашего мота идут до крайности плохо. Вот эта сцена, которою заключается «Утро молодого человека».

С м у р о в (*входит; за ним Вася*). Что, Семен дома?

И в а н. Уехали-с.

С м у р о в. А не знаешь куда?

И в а н. Не знаю. Подождите; может, скоро будет.

С м у р о в. Подождем! Садись, Вася, будем его милости дожидаться.

Иван уходит. Молчание.

В а с я. Абрам-то Сидорыч говорит нынче: я, говорит, протестую.

С м у р о в. Ишь ты, срам какой! А еще-то много должен, не слышал ты?

В а с я. Тысяч на пять серебром наберется.

С м у р о в. Все по доверенности матери?

В а с я. По доверенности.

С м у р о в. Платежи-то не скоро?

В а с я. По одному-то на этой неделе надо платить. Дан был Белорыбицыну; а он Семену Арефьичу передал. Семен-то Арефьич вчера и говорит в трактире: мне, говорит, заплатит, а то я старуху-то и в яму потяну.

С м у р о в. Да и поделом ей, дура, коли допустила до этого. Хорошо еще, что я-то хватился, а то он накуралесил бы, что и не расхлебашь. Ишь ты, как разукрасил сдуру-то! Трюмо завел! (*Смеется*.) Книжки разные! Покажь-ка, Вася, что там за книжки.

В а с я (*берет книгу*). Французская, должно быть, либо немецкая.

С м у р о в. Нешто он по-французски-то знает?

В а с я. Где, дяденька, знать! Так, для близиру лежат.

С м у р о в. Эка дурачина-то! (*Смеется, потом вздыхает*.) Эх, то-то глупо-то! То-то бить-то некому! (*Молчание*.) Чей это мальчонка-то у него?

В а с я. Матренин внучек, что у тетеньки-то живет старуха; еще она сродни тетеньке-то.

С м у р о в. Так, стало быть, он сын Сидорыча-то, что у свата на фабрике?

В а с я. Сын. А сестру его, Дашу, помните, тетенька замуж выдавала за лавочника. Еще, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

С м у р о в. Помню, помню. Отец-то славный малый, честный, а мальчишку-то как обезобразили. Ведь вот отец-то его ни в чем не замечен, а сынишка-то что делает. Обругать надо человека — этакую

штуку надеть. Конечно, он мальчишка, его как хошь тормози; да за что же обезьяной-то наряжать! Как его зовут-то?

В а с я. Гришуткой.

С м у р о в. Гришутка, а Гришутка!

Г р и ш к а (*входит*). Чего изволите-с?

С м у р о в. Повернись-ка, повернись! Хорош, брат, нечего сказать!

В а с я. Дяденька! Точно он физик какой галанский. На птицу похож.

С м у р о в. Будешь похож, когда этакий кортекол наденут.

Г р и ш к а. Да нынче так носят.

С м у р о в. Да кто носит-то, глупый! Носят! Мало ли что носят! Всех нищих не перешеголяешь! Ну, за что тебя так обругали! Эх, Гриша, Гриша! Нехорошо, братец! Ты чем здесь занимаешься-то?

Г р и ш к а. Ничем не занимаюсь. На посылках, да пыль сотрешь, за столом прислужишь.

С м у р о в. Балуешься ты здесь, я вижу, около моего племянника-то. Тебя одели дураком, а ты и рад. А ты полно паясничать-то, ты уж не маленький, пора и об себе подумать. Чего ты здесь дождешься? Ничего не дождешься, ни лысого беса. А ты бы просился у бабушки-то, чтоб тебя куда в порядочное место отдали, в лавку, что ли, куда; на крайности со временем человек будешь, а то что народ-то смешить! Я вот бабушке-то поговорю.

Входит Иван.

Что ж, скоро ли будет-то?

И в а н. Не знаю; может быть, и вовсе не приедет. Да вот вы напишите, что вам нужно. (*Подает ему бумагу и перо.*)

С м у р о в. Напишите! А что я стану писать! Ишь ты, разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! Напишите! Дурак ты, я вижу, и с барином-то с твоим; а то еще «напишите». Очень мне нужно! Поди-ка-сь, господа какие! Пойдем, Вася.

И в а н. Что же сказать прикажете, коли Семен Парамоньч спросят?

С м у р о в. Скажи ему, что дурак он, вот что!

В а с я. Дяденька, он говорит, что он образованный человек.

С м у р о в. Как же ему не быть образованным! Из трактиров не выходит, по рощам шампанское пьет. (*Ивану.*) Так ты слушай! Ты скажи ему, чтоб нынче же к матери приехал, что дяденька, мол, нарочно заезжал. Да ты скажи ему, что я сам старухе-то скажу, чтобы она доверенность-то уничтожила, да в газетах публикуем, что долгов за него не платим, тогда и живи, как он хочет: уж я ему ни слова не скажу. Мы ему хвост-то прижмем (*уходят*).

Сцена эта действительно немножко жидка; но она едва ли не лучшая из всех; по крайней мере, в ней нет той торопливости, с которой набросан разговор между Недопекиным и его паразитом Лисавским. Не думаем, чтоб самый невежественный из прихлебателей способен был называть своего патрона Аполлоном и восхищаться его красотой, тем более что господа, подобные Недопекину, весьма мало знают об Аполлоне и нимало не дорожат его репутациею как красавца и бога поэтов.

Однако я замечаю, что сам против воли начинаю разделять мнение большинства читателей и смотреть на «Утро молодого человека» не совсем снисходительным образом. Неудачная фигура Лисавского и его речи об Аполлоне всему виною; а кроме того, мне досадно, почему автор с любовью не остановился над таким великолепным для комика персонажем. Паразит, прихлебатель, джентльмен, имеющий страсть жить на чужой счет, — вот тип поистине неистощимый, вечно разнообразный, понятный каждому. Недаром греческие комики, и за ними Теренций, так были пристрастны к подобного рода лицам, недаром лучшие роли в их произведениях даны паразитам. Жизнь на чужой счет это — неисчерпаемый рудник веселости, забавных положений, патетических мест и тонкого анализа. Я боюсь, чтобы, набросав несколько штрихов по поводу обеда Лисавского, г. Островский не отбил сам у себя охоты к изображению подобных лиц. Даровитые люди слишком боятся повторять самих себя и, раз посвятив строчку тому или другому характеру, редко возвращаются к описанному уже предмету.

Т. И. Филиппов.
Фото 1850-х гг. (?)

Т. И. Филиппов.
Фото 22 июля 1869 г.

Е. Н. Эдельсон.
Фото конца 1850-х гг. (?)

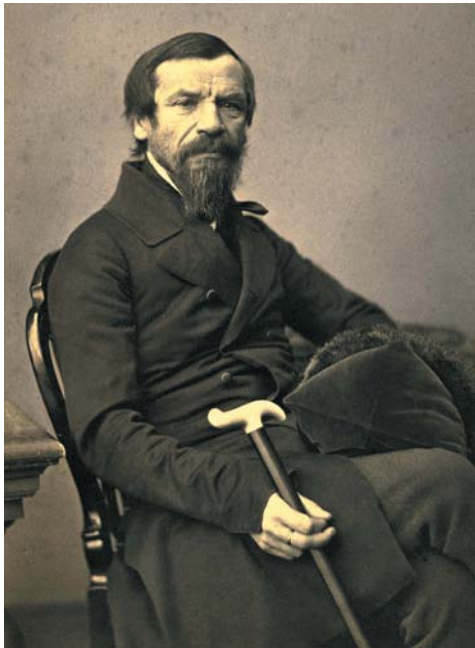
Е. Н. Эдельсон.
Фото конца 1850-х – начала 1860-х гг. (?)

Б. Н. Алмазов.
Фото 1860–1870-х гг.

А. А. Григорьев.
Портрет, 1846 г.

М. П. Погодин.
Фото 1850-х гг. (?)

И. И. Панаев.
Фото 1850-х гг. (?)

С. С. Дудышкин.
Фото 1850-х гг.

А. В. Дружинин.
Шарж, 1840-е гг.

А. В. Дружинин.
Фото 10 марта 1856 г.

П. В. Анненков.
Фото 1850-х гг.

Содержание

От составителей	5
А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. «Спор Петербурга с Москвою». Литературная полемика первой половины 1850-х годов.....	7

1850

А. Н. Островский. «Ошибка», повесть г-жи Тур	37	577
А. А. Григорьев. «Причуды». Комедия П. Н. Меншикова («Современник», 1850, № VIII).....	43	580
А. В. Дружинин. Современные заметки. Письма Иногородного Подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике. XX. <Отрывок>.....	51	583
А. В. Дружинин. Современные заметки. Письма Иногородного Подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике. XXI. <Отрывок>.....	52	584

1851

А. В. Дружинин. Современные заметки. Письма Иногородного Подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике. XXII — Декабрь 1850. <Отрывок>.....	57	585
Е. Н. Эдельсон. «Отечественные записки» в 1850 году (Учено-литературный журнал, издаваемый А. Краевским). <Отрывок>.....	61	587
Е. Н. Эдельсон. «Отечественные записки». 1851 год, № 2-й.....	69	592
А. Н. Островский. «Тюфяк», повесть А. Ф. Писемского. Москва, 1851 г.....	77	595
Т. И. Филиппов. «Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». 1851. Январь.....	82	597
Б. Н. Алмазов. Сон по случаю одной комедии. Предупреждение.....	89	600
А. В. Дружинин. Современные заметки. Письма иногородного подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике. XXV — Март 1851. <Отрывок>.....	106	612
Н. А. Некрасов(?) и др. «Комета», учено-литературный альманах, изданный Николаем Щепкиным. Москва, 1851. <Отрывок>.....	111	614
Б. Н. Алмазов. Сон по случаю одной комедии.....	121	618
И. И. Панаев. Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Май 1851. «Расстегаи» (Драматический и психологический этюд).....	138	629
И. И. Панаев. Современные заметки. Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Июнь 1851 Отрывок.....	147	631
И. И. Панаев. Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Сентябрь 1851. <Отрывок>.....	153	633
Б. Н. Алмазов. Стихотворения Эраста Благоднарова.....	156	635
И. И. Панаев. Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Ноябрь 1851. <Отрывок>.....	178	644

1852

А. А. Григорьев. Русская литература в 1851 году.....	181	644
А. В. Дружинин. Письма Иногородного Подписчика о русской журналистике. XXV. Декабрь. <Отрывок>.....	210	671
И. И. Панаев. Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Февраль 1852. <Отрывок>.....	213	674
Е. Н. Эдельсон. Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики.....	215	674

А. В. Дружинин. Письмо Иногородного подписчика о русской журналистике. XXVIII. <Отрывок>	236	685
А. Д. Галахов. «Бедная невеста», комедия А. Островского.	242	686
Т. И. Филиппов. «Современник», март.	251	690
Б. Н. Алмазов. Наблюдения Эраста Благодурова над русской литературой и журналистикой	254	691
А. В. Дружинин. Письмо Иногородного Подписчика о русской журналистике. XXX. <Отрывок>	272	704

1853

П. Н. Кудрявцев. Русская литература в 1852 г. <Отрывок>	277	704
А. А. Григорьев. Русская изящная литература в 1852 году	285	708
Т. И. Филиппов. Летопись московского театра. «Не в свои сани не садись»	329	729
П. Н. Кудрявцев. «Не в свои сани не садись», комедия Островского.	334	734
И. И. Панаев. Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Март 1853. <Отрывок>	349	737

1854

А. А. Григорьев. Искусство и правда. Элегия — ода — сатира	355	738
П. В. Анненков. По поводу романов и рассказов из простонародного быта	360	751
Козьма Прутков <Вл. М. Жемчужников>. Безвыходное положение (письмо к моему приятелю Апполинию в Москву)	386	759
Е. Н. Эдельсон. «Бедность не порок», комедия в трех действиях. Сочинение А. Н. Островского. Москва. В типографии В. Готье. 100 стр. в 8 д. л.	388	761
С. С. Дудышкин. Журналистика. <Отрывок>	399	763
А. А. Григорьев. Взгляд на «Библиотеку для чтения» в прошлом году.	408	767
Н. Г. Чернышевский. «Бедность не порок». Комедия А. Островского. Москва. 1854.	427	775
П. Н. Кудрявцев. «Бедность не порок»	434	781
Б. Н. Алмазов. «Современник». 1854 года. №№ 3-й и 4-й	452	783

1855

А. А. Григорьев. О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене.	467	788
И. И. Панаев. Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. <Отрывок>	481	800
А. А. Григорьев. Замечания об отношении современной критики к искусству	488	802
А. А. Григорьев. Обзорные наличных литературных деятелей.	514	820
С. С. Дудышкин. О журнальной полемике, о критике, о нападках на нее и доброе слово в ее защиту	536	838

Приложения

I

А. А. Григорьев. О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене (Продолжение)	555	842
--	-----	-----

II

Библиография критических статей Б. Н. Алмазова в «Москвитянине» (1851–1854).	568
Библиография критических статей Т. И. Филиппова в «Москвитянине» (1851–1853)	569
Библиография критических статей Е. Н. Эдельсона в «Москвитянине» (1851–1855)	570
Комментарии	574
Указатель имен	854
Условные сокращения	867
Список иллюстраций	869